

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: ТРЕНДЫ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНИХ ИНТЕРЕСАНТОВ

Елена Георгиевна Пономарева,

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
nastya304@mail.ru

Елена Сергеевна Арляпова,

Институт системно-стратегического анализа,
Москва, Россия,
elena.s.arlyapova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 86–106. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_86

Аннотация

В условиях усиления международной напряженности Западные Балканы как исторически сложившаяся арена столкновения интересов ведущих держав требуют особого аналитического внимания. В статье подняты вопросы международной субъектности Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и самопровозглашенная полития Косово), а также позиционирования региона в текущей неопределенности мировой политики. Основной фокус исследования – политические стратегии, позиции и конкретные

© Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С., 2023

шаги ключевых внешних акторов, тренды и прогнозы в вопросах влияния долгосрочных бенефициаров балканской политической повестки. Отдельное внимание уделено проблемам уязвимости балканской политики Евросоюза, мнимой монолитности «западного блока», ресурсности России и китайскому потенциалу на Балканах. На базе историко-системного подхода и парадигмы неореализма проанализированы внешнеполитические цели и установки мировых грандов, ведущих свою Большую балканскую игру, также выявлено отношение обществ стран региона к присутствию «чужих». Богатый эмпирический материал позволил сделать аргументированный вывод, что Западные Балканы находятся в глубокой зависимости от внешних сил. Эхо украинского кризиса добавило остроты балканской повестке, но не изменило состав ключевых игроков. Однако уровень их присутствия разнится: «западный блок», равно как и Китай, имеют потенциал к наращиванию влияния, в то время как ресурсность РФ ограничена сербским сегментом. Тем не менее единство «коллективного Запада» на балканском поле не монолитно, и существующие в западном лагере противоречия дают Москве возможность вести более тонкую политику.

Ключевые слова:

Западные Балканы, внешнее влияние, украинский кризис, Великобритания, ЕС, Китай, Россия, США, внешние игроки.

UDC 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_86

WESTERN BALKANS: INFLUENCE TRENDS OF EXTERNAL STAKEHOLDERS

Elena G. Ponomareva,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Russia, Moscow,
nastya304@mail.ru

Elena S. Arlyapova,

Institute of System-Strategic Analysis,
Moscow, Russia,
elena.s.arlyapova@gmail.com

Article received on January 26, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Ponomareva, E.G., Arlyapova, E.S. (2023). Western Balkans: Influence Trends of External Stakeholders. *Discourse-P*, 20(1), 86-106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_86

Abstract

In the context of increasing international tension, the Western Balkans, as a historically formed arena for the clash of interests of the leading powers, require special analytical attention. The article raises questions of the international subjectivity of the Western Balkans (Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro, and the self-proclaimed polity of Kosovo), as well as the positioning of the region in the current uncertainty of world politics. The main research focus is the political strategies, positions and specific steps of key external actors; trends and forecasts in terms of the influence of long-term beneficiaries of the Balkan political agenda. Special attention is paid to the problems of the vulnerability of the EU policy towards the Balkans, the imaginary monolithic nature of the “Western bloc”, the resource capacity of Russia, and the Chinese potential in the Balkans. Based on the historical-systemic approach and the neorealism paradigm, the study analyzes the foreign policy goals and settings of the world’s giants, leading their Big Balkan Game, and also reveals the attitude of the local societies to the presence of “aliens” in the region. The rich empirical material made it possible to come up with a reasoned conclusion: the Western Balkans is highly dependent on external forces. The echo of the Ukrainian crisis has added urgency to the Balkan agenda but has not changed the composition of the key players. However, the level of their presence varies: the “Western bloc”, as well as China, have the potential to increase their influence, while the resource capacity of the Russian Federation is limited to the Serbian segment. Nevertheless, the unity of the “collective West” in the Balkans is not monolithic, and the contradictions among the Western camp give Moscow opportunities to pursue a more subtle policy.

Keywords:

Western Balkans, external influence, Ukrainian crisis, Great Britain, EU, China, Russia, USA, external actors.

Введение

Украинский кризис сместил «зрочок мира»¹ от опасного подбрюшья Европы. Однако это не означает, что Балканы израсходовали свой геополитический порох. Пестрый в этнокультурном, религиозном и политическом плане, густонаселенный полуостров, продолжающий жить своими обидами и фобиями, был и остается турбулентной зоной. Здесь, как и прежде, происходит (не всегда явное) столкновение интересов ведущих субъектов мировой политики. На фоне усиления международной напряженности балканские политики предсказуемо выражают опасения по поводу возможности включения Западных Балкан в орбиту затягивающегося конфликта². О «балкан-

¹ Выражение Г.В. Плеханова.

² *Президент Словении опасается продолжения украинского кризиса на Балканах* (2022, 11 августа). Взято 20 декабря 2022, с <https://radiosputnik.ria.ru/20220811/balkany-1808770006.html>; Tharoor, I. (2022, August 1). Russia’s war in Ukraine

ских мотивах» в нынешнем противостоянии регулярно пишет отечественная и зарубежная пресса³. Кроме того, балканская тема в прецедентном качестве не покидает риторику лидеров мировых держав уже более десяти лет⁴, начиная с грузинских событий конца 2000-х гг. О «живейшем отклике» на решение косовского вопроса в постсоветских политиях и ряде проблемных европейских территорий предупреждала Россия еще на стадии его обсуждения (Кандель, 2018, с. 93). Для экспертов «очевидно, что проблемы урегулирования этнических конфликтов, перед которыми стоит международное сообщество, стали намного масштабнее и интенсивнее именно после, а не до принятия решения по Косову» (Гарцль, 2018, с. 93). К слову, апеллирование российской стороны к состоявшемуся балканскому опыту урегулирования и, в частности, кейсу Косово в настоящее время активно используется руководством непризнанной республики для попыток форсированной интеграции в евроатлантические структуры.

Смещение аналитического фокуса на украинский театр политических и военных действий закономерно. Но и в прямой зависимости от исхода вооруженного противостояния на Украине, и отдельно от него столкновение или, как минимум, активизация ведущих игроков на балканском направлении выглядят неминуемыми. С учетом этого исследовательский интерес к нему более чем обоснован не только с эвристической, но и с практической точки зрения. Последнее особенно важно для России, уже совершавшей ошибку дипломатического «забвения» и с трудом отыгравшей небольшое количество позиций в регионе в последние несколько лет (Ропомарева, 2020).

Таким образом, цель данного исследования – дать четкую картину позиционирования региона на международной арене, определить региональные стратегии внешних игроков, оценить российские перспективы в регионе в условиях усиливающегося противостояния с Западом и общего обострения международной обстановки.

Базовыми методологическими подходами стали историко-системный, позволяющий рассмотреть процессы и ключевые события в соответствующем пространственном и хронологическом контексте вне жесткой привязки к какой-либо из существующих парадигм, а также неореализм К. Уолтца, который применил в теории системных регуляторов международных отношений наработки представителей либеральной школы. В нашем случае важна возможность оценивать намерение мирополитических гигантов не рассматривать войну в качестве альтернативы переговорному процессу для решения существующих и возникающих проблем (Waltz, 2010). Специфика плотного во всех смыслах

finds echoes in the Balkans. *The Washington Post*. Retrieved December 20, 2022, from <https://www.washingtonpost.com/world/2022/08/01/western-balkans-kosovo-ukraine/>

³ Last, J. (2022, September 23). As Russia expands its war in Ukraine, will the delicate peace in the Balkans be disrupted? *CBC News*. Retrieved December 20, 2022, from <https://www.cbc.ca/news/world/balkans-russian-influence-1.6593195>; Сысоев, Г. (2022, 22 февраля). Балканские мотивы на украинский лад. *Коммерсантъ*. Взято 20 декабря 2022, с <https://www.kommersant.ru/doc/5228293>

⁴ *Putin cites precedent of Kosovo in explaining recognition of DPR* (2022, 27 April). Retrieved December 20, 2022, from <https://tass.com/politics/1443661>

региона, а также текущие геополитические реалии определяют логику такого методологического выбора.

Географически анализ охватывает регион Западных Балкан – Албанию, Боснию и Герцеговину (БиГ), политику Косово, Северную Македонию, Черногорию и Сербию. В ряду ключевых внешних игроков стабильно представлены ЕС, Китай, РФ и США. К таковым же относится Великобритания, которая, несмотря на аффилированность по целому спектру вопросов в сфере международных отношений с Западом в целом, имеет свои, отличные от США (при всей истории стратегического партнерства в регионе) и тем более от ЕС интересы. Все другие интересные отнесены к игрокам «второго плана» и упомянуты в исследовании вскользь.

Источниковой базой для исследования стали официальные документы изучаемых стран, международных организаций, наднациональных структур, работающих по региону, публичная риторика лиц, принимающих решения или влияющих на их принятие, национальные стратегии, статистические материалы, результаты опросов по проблеме иностранного присутствия и влияния на Балканах.

Международная субъектность Западных Балкан

Балканский полуостров на протяжении столетий был и остается ареной столкновения культур, религий, борьбы великих держав. В XXI в. страны Западных Балкан, хотя и в разной степени, не только сохранили потенциал неустойчивости, но и остаются конфликтной зоной. Весьма слабые внутрорегиональные связи (даже среди бывших югославских республик) и существующие во всех странах реваншистские настроения дают грандиозные возможности для вмешательства внешних сил (Arlyarova et al., 2022, p. 218). Иными словами, Балканы всегда нужны внешним игрокам как зона борьбы, как своеобразный геополитический ринг, где можно без особых издержек для себя меряться «мягкой», «липкой» и даже «жесткой» силой.

Проблема политической самостоятельности Балкан на международной арене вообще не звучит в материалах небалканского происхождения. В многочисленных отчетах, аналитических записках и прогнозах внешних экспертов регион априори рассматривается ведомым, а вопрос обычно состоит только в том, кто в конкретный момент времени является его ведущим – в зависимости от пресловутого «баланса сил». И даже в концептуализирующих внешнеполитические задачи в западнобалканском направлении стратегиях (американской, британской и европейской) «по умолчанию, регион вновь рассматривается как территория конкуренции, отчасти – противостояния» (Энтина, 2019, с. 81). Сегодня роль зоны противостояния стала доминирующей, т. к. под ним изначально подразумевалось противодействие именно России и российскому влиянию в регионе. Конкуренция в нынешних условиях, скорее, может иметь отношение к Китаю (с перспективой перехода в более острую фазу) и наверняка игрокам «второго эшелона», например, ближневосточным государствам, ненавязчиво наращивающим присутствие в регионе.

Дискурс отсутствия политической самостоятельности Балкан в сфере международных отношений не только типичен для внешнего, но и привычен

для внутреннего восприятия. Апелляция к его пересмотру происходит редко, обычно инициируется «снизу», носит ограниченный характер, будучи чаще всего краткосрочным мобилизующим инструментом для решения каких-либо синоминутных тактических задач, и служит исключительно для внутреннего применения. Стоит отметить, что, казалось бы, очевидно нежелательный и болезненно воспринимаемый обществами дискурс зависимости от внешних сил нашел применение у элит практически всех балканских стран, давая им дополнительные возможности в политическом лавировании и аргументы в торге с мировыми тяжеловесами.

В международном контексте политическое поведение балканских столиц оценивается и прогнозируется, как правило, с позиции ожидаемой реакции: в ответ на предложенные реформы, ограничения, предложения или любое иное вмешательство. «Внезапные» политические инициативы на международной арене местных игроков тоже, как правило, хорошо скоординированы извне. С тех же позиций регулируется взаимодействие местных элит с другими внешними по отношению к локации участниками мирового политического процесса. Региональным игрокам перманентно предлагается провести своего рода политический аудит с целью взвесить угрозу отчуждения от США и Европы и сравнить с размером выгоды от положительного взаимодействия с другими партнерами, присутствие которых открыто определяется Западом как крайне нежелательное.

Такого рода политические торги – достаточно привычная для «регионазагадки», как образно определил Балканы С. А. Романенко, практика и состояние. За время их существования, а многие отсчитывают его с подводившего итоги русско-турецкой войны Берлинского конгресса 1878 г. (Романенко, 2021, с. 24), местные политические элиты и лидеры научились довольно искусным манипуляциям на этой основе, поставив их на вполне прагматичные рельсы.

С другой стороны, Западные Балканы в качестве арены соперничества мировых держав особо чувствительны к малейшим изменениям глобального международного порядка, а открытые столкновения, подобные нынешнему кризису, приводят регион в состояние практически броуновского движения, что мы и наблюдаем сегодня – в очередной раз в истории.

Позиции долгосрочных «инфлюэнсеров»

Проблема внешнего влияния на Западных Балканах за последние годы привлекла широкую аудиторию, были предприняты попытки посчитать его и измерить. Правда, интересные калькуляции охватывают период до главных событий 2022 г. Тем не менее приведем некоторые результаты. Одним из интригующих (несмотря на спорный временной отрезок – с 1986 по 2016 гг.) стало вычисление долгосрочных «инфлюэнсеров». Ими оказались 15 стран. В числе западных: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Словения, США, Франция, Хорватия, Швейцария, а также ЕС в качестве самостоятельного западного игрока. Восточные: Россия, Китай и относимая к ним Турция⁵.

⁵ Rrustemi, A., de Wijk, R., Dunlop, C., Perovska, J., & Palushi, L. (2019). Geopolitical influences of external powers in the Western Balkans. *The Hague Centre for Strategic Studies*.

Евросоюз остается ключевым торговым партнером Западных Балкан более десяти лет, тем самым обеспечивая себе позиции влияния в регионе. В случае замирения разговоров о скором членстве балканских государств в ЕС экономическое доминирование Евросоюза может стать его единственным преимуществом и аргументом для сохранения позиций на Балканах. Хотя последствия вступления Хорватии в еврозону и Шенген с 1 января 2023 г. могут оказаться не радужными (в переносном смысле, в прямом они давно уже таковы), что в свою очередь сбавит градус политической привязанности потенциальных членов к ЕС.

В долгосрочном срезе индивидуально из всех государств Германия предстает наиболее влиятельным торговым партнером со средним показателем в 12,11%. Кроме того, ее политика по отношению к региону стабильна, в отличие, например, от Франции. Зоны влияния: Северная Македония, БиГ, Черногория, Сербия и самопровозглашенное Косово. Для всех, кроме Черногории (и Албании), Германия – торговый партнер номер один. Немецкий – второй после английского по количеству изучающих иностранный язык на Балканах.

Италия, менее стабильная в оказываемом влиянии, тем не менее стала второй. Итальянское влияние распространяется преимущественно на БиГ, Черногорию и особенно Албанию. Форма влияния тоже экономическая. Третья по долгосрочному влиянию – Турция с показателем, «не составляющим и половины от немецкого», на что обратили внимание авторы исследования⁶. Самое высокое турецкое влияние наблюдается в Косово, Албании, Северной Македонии и БиГ. Самое низкое – в Черногории. На четвертом месте оказалась Франция, в основном за счет плотного сотрудничества с Албанией, т. к. в других странах региона влияние ее незначительно. Для Франции Западные Балканы остаются политическим приоритетом преимущественно с евроатлантической точки зрения.

США на девятом месте со средним показателем 3,1%. Наибольшим влиянием страна пользуется в БиГ и Косово. Наименьшим – в Черногории. А вот форма американского влияния существенно отличается от европейской. США доминируют в политической сфере, имея лишь номинальные показатели экономического участия. По итогам проведенных в рамках исследования интервью, в случае ухода США из региона респонденты ожидают немедленное переустройство политического порядка Западных Балкан под воздействием других внешних акторов.

Великобритания с показателем 2,65% пропустила вперед Хорватию и, кстати, Россию. Заметно, что даже с подчеркнутой авторами «важной ролью» и «положительным восприятием ее в регионе» контент британской части был сведен больше к воспоминаниям о проделанной работе.

Аутсайдерам с «негативным» влиянием – России, Китаю и странам Персидского залива – отведено минимум текстового пространства, с чем, конечно, трудно согласиться: как по уделенному вниманию, так и по оценке объема влияния и его дальнейших перспектив. Впрочем, с отсылкой к другим материалам тенденцию роста авторы все же отметили.

Retrieved December 20, 2022, from https://hcsc.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf

⁶ Ibid, p. 150.

Действительно, подавляющее большинство материалов говорит о росте как российского, так и китайского влияния в Балканском регионе. Некоторые из них носят откровенно алармистский характер. Причем фактор текущего кризиса служит, скорее, нарастанию этих настроений, нежели переоценке с учетом изменившихся и ситуации, и возможностей ряда внешних игроков.

В контексте усиления влияния в регионе нельзя обойти вниманием такого значимого актора, как Турция. Стремление страны «развиться в глобального игрока» в последние годы все заметнее. После активизации украинского кризиса намного более востребованной стала ее роль «потенциального посредника» (Azežina, 2018) в различных переговорных комбинациях, что, несомненно, усиливает позиции Анкары и по балканским вопросам. Притязания Турции на особое влияние в бывшем «османском пространстве» – важная составляющая новой политики расширения, активно продвигаемой Р.Т. Эрдоганом. «Республика демонстрирует, что она существенный игрок в международной политике и не имеет ничего общего с той Турцией, которая была лишь исполнителем курса старших союзников»⁷. На данном этапе в свете дискуссии о вступлении в НАТО Финляндии и Швеции позиции Анкары выглядят очень сильными.

В наименьшей мере, на наш взгляд, воздействию горячей фазы украинского кризиса подверглись США (в ракурсе их влияния на Балканах). Этому способствовали сразу несколько причин. Во-первых, постоянство усилий и многосторонность их работы по региону. США не «выпускают» Балканы из повестки (собственной или НАТО), даже когда их присутствие ограничивается исключительно риторикой. Добавим к этому великолепно отточенный навык своевременного «соучастия» для успешных инициатив и оперативного дистанцирования – для провальных. Во-вторых, отсутствие очевидного риска и ответственности (в отличие, например, от ЕС) в игре на балканском поле, которое географически и политически, не в последнюю очередь усилиями США, аффилировано как раз с Евросоюзом, хотя бы на уровне интенций. В-третьих, низкая зависимость западного гегемона от союзников – в балканском, как и в других, направлении. Политика США воспринимается в качестве самостоятельной всеми странами региона, и, отбросив здесь данные опросов как не определяющие практическую балканскую политику, местные лидеры в той или иной степени «оглядываются» на американцев в принятии внешнеполитически значимых решений. Впрочем, постоянно «оглядываться» вынуждены и союзники США, особенно ярко это проявляется в случае ЕС, в меньшей степени – Великобритании. США же свободно приближаются или, наоборот, удаляются от региона, как это было в 2000-е гг. (Киясов, 2010, с. 79), без существенных репутационных издержек и потери влияния.

Эти постоянные характеристики позволяют сохранять и довольно быстро наращивать американское влияние на Балканах. В условиях текущего кризиса последнее очень вероятно, поскольку балканский театр возможных действий – это Европа, в максимальной близости к России, которая в формулировках новой

⁷ Меликян, Т. (2022, 31 октября). Какую роль в мировых делах играет Анкара, и хорошо ли это у нее получается. *Профиль*. Взято 9 февраля 2023, с <https://profile.ru/politics/kakuju-rol-v-mirovyh-delah-igraet-ankara-i-udaetsya-li-ej-eto-1188147/>

Стратегии национальной безопасности США «представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе». Примечательно, что в документе на фоне недвусмысленных обещаний поддержки европейских устремлений в адрес Грузии и Молдовы в отношении Западных Балкан прозвучали лишь намерения «помогать партнерам в укреплении демократических институтов, верховенства закона и экономического развития»⁸.

При всем постоянстве пассажа о «прочных экономических связях с регионом» в официальной риторике ключевым видится то, что более всего «США ценят свои партнерские отношения в области обороны и безопасности, в том числе с... новыми союзниками по НАТО, Черногорией и Северной Македонией»⁹. В пользу этого говорят и сведения в пилотном отчете по оборонным секторам балканских стран, отразившие факт доминирования в них американцев: «Согласно имеющимся данным, США на сегодняшний день являются крупнейшим донором оборонных секторов в регионе»¹⁰. В данном контексте упоминается также РФ, но со ссылкой на конфиденциальность сведений о российском вкладе в эти секторы сравнение оборонных вливаний не производится.

Цель США в установлении постоянного военного присутствия в Юго-Восточной Европе не являлась секретом и была презентована в числе задач американской внешней политики еще в 2017 г. в новой региональной стратегии под названием «Балканы, вперед!»¹¹ По справедливому замечанию, «повестка США больше сосредоточена на действиях внешних держав в регионе, чем на последовательной политике непосредственного взаимодействия» со странами региона¹². Это «роднит» американский подход с подходами союзников, особенно Великобритании. Общность направленности (антироссийская, позднее также антикитайская) и конечного целеполагания отражена в последовательно принятых в 2017–2018 гг. стратегиях США, Великобритании и ЕС. При всех отличиях документов вдумчивый анализ позволил сделать важное обобщение: эти ведущие западные игроки продолжают рассматривать Балканы «как еще один фронт противодействия России и арену борьбы с жупелом ее всепроникающего влияния» (Энтина, 2019, с. 81).

⁸ *National Security Strategy* (2022, October 12). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

⁹ *U.S. Commitment to the Western Balkans* (2021, April 26). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.state.gov/u-s-commitment-to-the-western-balkans/>

¹⁰ Ignjatijević, M., Bjeloš, M., & Šterić, L. *Balkan defense monitor* (2022, March). *Belgrade Centre for Security Policy*. Retrieved December 24, 2022, from <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2022/03/Balkan-Defence-Monitor.pdf>

¹¹ Marusic, D., Bedenbaugh, S., & Wilson, D. (2017). *Balkan forward: A new US strategy for the region*. *JSTOR*. Retrieved December 24, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16768?refreqid=excelsior%3Ab4fac4aaf951f3d96a8375f1ed39b2d7>

¹² Conley, H. A., & Ruy, D. (2021, May 26). *Confronting stabilocracy in the Western Balkans: A new approach for U.S. assistance*. *The Center for Strategic and International Studies*. Retrieved December 24, 2022, from <https://www.csis.org/analysis/confronting-stabilocracy-western-balkans-new-approach-us-assistance>

Такой посыл является определяющим в характеристике трендов влияния «коллективного Запада». Конечно, с нюансами для индивидуальных игроков в его составе, особенно ЕС.

Уязвимости балканской политики ЕС

Несмотря на плотную включенность в региональные дела, позиции Евросоюза представляются самыми уязвимыми в сравнении, пожалуй, со всеми другими внешними субъектами, включая Россию и Китай. Важно добавить, что не последнюю роль в создании и поддержании этой уязвимости играют союзники европейцев в лице США и Великобритании. Оба игрока «торгуют» на Балканах членством в ЕС, хоть и в уменьшенном объеме после Брекзита. Таким образом, Брюссель становится постоянным заложником не только своих собственных обещаний, но и обещаний союзников, вся тяжесть выполнения которых ложится на него индивидуально.

Кроме того, ЕС в последние годы вынужден прилагать большие усилия по поддержанию собственного авторитета и веса в международных делах. На ослабление его позиций вновь работают все остальные игроки. Примером могут служить те же «Балканы, вперед!» – стратегия американцев вышла годом раньше европейской. По сути, это не что иное, как попытка перехватить инициативу у менее расторопного союзника, к тому же вынужденного тратить дополнительное время и силы на согласование общей внешнеполитической линии, что в условиях ЕС всегда непросто. Фиксация британской стратегии на фоне выхода самой страны из Союза, в общем-то, уже малозначима. Однако она содержит завуалированный отказ считать Западные Балканы зоной исключительно европейских интересов и контроля.

Рассчитывая на поддержку союзников в столкновении с внешними по отношению к союзу игроками, ЕС в то же время подвергается серьезному давлению внутри западного альянса. Приверженность общей линии, далеко не всегда исходящей из Брюсселя, становится неременным условием сохранения номинального контроля и влияния ЕС на Балканах. Есть некоторая доля иронии в том, что именно Евросоюз сталкивается с такого рода сложностями, поскольку при всех оговорках он сделал для Балкан значительно больше своих союзников. Но обремененный мандатом ответственности за все неудачи на балканском поле именно Брюссель подвергается жесточайшей критике со стороны как внешнеполитических оппонентов, так и западнобалканских «подопечных».

По данным опросов, ЕС и тема членства в нем теряет популярность у балканского населения. Причина в том, что перспектива интеграции (а это до сих пор основной западный рычаг влияния в регионе) в последние годы утратила доверие¹³. Сегодня все чаще вину за «дискредитацию» ЕС в глазах балканской общественности пытаются возложить на Россию и ее усилия в информационном поле. Тем более что кризис подобного рода располагает к самому масштабному «списыванию» любого рода недостатков и неудач в адрес всеобщего оппонента.

¹³ *The effects of the war in Ukraine on the Western Balkans* (2022, August). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2022/the-effects-of-the-war-in-ukraine-on-the-western-balkans>

Однако европейские аналитики вынуждены признать: «благодатную почву» для дискредитирующих информационных кампаний создает «паралич процесса европейской интеграции», но никак не наоборот.

В итоге «благодатная почва» оказывается «не только в Сербии и среди сербов, проживающих в Западных Балканах, но с недавнего времени и в Северной Македонии, которая пошла на большие жертвы для разблокировки своего европейского пути». Даже для Албании и Косово, где нет пророссийских настроений, а прозападные стабильно сильны, делаются прогнозы на тот случай, если путь вступления для них останется закрытым: «их граждане могут стать более легкой мишенью для внешних игроков»¹⁴.

Завершая тему, отметим, что идея членства западнобалканских стран теряет популярность в самом Евросоюзе. Его «старожилы» занимают сдержанную позицию. Энтузиазм Великобритании в свое время по расширению в западнобалканском направлении был подхвачен Вышеградской четверкой, рисующей сценарий «темного будущего» (прямой перевод) Балкан в случае их отказа от европейского пути¹⁵. Общее число прогностических сценариев – пять. Их градация проходит четко в связке Западные Балканы – Евросоюз, хотя допущены промежуточные сценарии с вариантами региональной интеграции – сближения с балканскими соседями-членами ЕС или западнобалканских стран между собой, но с конечной точкой в виде присоединения к ЕС.

Невзирая на то, что голоса евроскептиков множатся, и отечественные, и зарубежные эксперты достаточно оптимистично оценивают перспективы ЕС, считая, что «единая Европа обладает значительным запасом прочности», и напоминая об историческом опыте, который «показывает, что европейская интеграция успешно переживала любые кризисы, даже более серьезные, чем современный» (Браницкий, 2018, с. 46). Тем более что перед лицом «российской угрозы», особенно в начале украинского кризиса, наблюдается сплочение всех западных игроков в коллективный «западный монолит», попытка выступить единым фронтом со скоординированной внешней политикой, в том числе на балканском направлении.

Евроатлантический контроль над локацией: казус БиГ

В текущих условиях регион Западных Балкан исключительно важен для союзников. Точнее, важен контроль над этой локацией. Все значимые события 2022 г. с задействованием балканских лидеров – от саммита НАТО в Мадриде 29–30 июня до встречи в Тиране 6 декабря – подчинены этой цели. В контексте обострения международной обстановки наиболее важными представляются результаты встречи в Испании. Итоговый документ – «Стратегическая концепция НАТО 2022 г.» – отчетливо продемонстрировал, что в активной работе

¹⁴ Jovanović, J. (2022, July 7). Russian disinformation in the Western Balkans during the war in Ukraine. *The Oslo Center*. Retrieved December 24, 2022, from <https://oslocenter.no/news/russian-disinformation-in-the-western-balkans-during-the-war-in-ukraine/>

¹⁵ *Western Balkans Futures. Strategic Foresight Report for 2030* (2022). Retrieved December 24, 2022, from <https://visegradinsight.eu/app/uploads/2022/03/Western-Balkans-Final.pdf>

находится БиГ¹⁶, что имело определенный международный резонанс, в виде реакции России на данное событие.

В свете изменившейся геополитической ситуации декабрьский саммит ЕС – Западные Балканы в Тиране сопровождался повышенным вниманием прессы и экспертов, а также привычно завышенными ожиданиями балканских участников. Но и на этот раз встреча не стала для Западных Балкан прорывом. Все прошло довольно обыденно: в очередной раз подтверждалась «полная и недвусмысленная приверженность перспективам членства Западных Балкан в Европейском Союзе»; была обещана опция ускорения процесса интеграции на основе все тех же «заслуживающих доверия реформ партнеров, справедливых и строгих условий...» и т.п., но, как и прежде, полностью на усмотрение Брюсселя; объявлен масштабный инвестиционный план в размере 30 млрд евро в обмен на «полное соответствие Общей внешней политике и политике безопасности»¹⁷.

Последнее предполагает присоединение к антироссийским санкциям – как часть требуемого соответствия (к слову, звучавшего и ранее). В остальном Тиранская декларация не привносит ничего ощутимо нового и очень перекликается со Стратегией 2018 г.¹⁸, фиксируя все те же сконцентрированные усилия по контролю над внешнеполитической и энергетической сферами западнобалканских политий. Индивидуально в документе названы только Албания и Северная Македония, о недавних фаворитах – Сербии и Черногории – ни слова.

В реальной «работе» у Евросоюза оказалась на данном этапе БиГ, получившая 15 декабря 2022 г. официальный кандидатский статус на саммите ЕС в Брюсселе. Еврочиновники исключительно из (гео) политических соображений закрыли глаза на имеющиеся в стране проблемы и посчитали, что требования по глубоким реформам в области демократии, обеспечению верховенства закона, приоритету основных прав человека и изменению в системе госуправления выполнены. В то же время статус кандидата не означает быстрого вступления в Союз – европейская мечта для «государства-фантома» (Пономарева, 2009) может оказаться такой же далекой, как и прежде. В соответствии с правилами, установленными в 2020 г., «ЕС может остановить, прекратить или перезапустить переговорный процесс по отдельным направлениям, если не будет удовлетворен ходом обсуждений»¹⁹.

Интенсификация политических шагов Запада по Боснии была остро воспринята в РФ и стала поводом к обозначению возможной реакции. Но, судя

¹⁶ *Стратегическая концепция НАТО* (2022, 29 июня). Взято 25 декабря 2022, с https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf

¹⁷ *Tirana declaration* (2022, December 6). Retrieved December 25, 2022, from <https://www.consilium.europa.eu/media/60568/tirana-declaration-en.pdf>

¹⁸ *Strategy for the Western Balkans: EU sets out new flagship initiatives and support for the reform-driven region* (2018, February 6). Retrieved December 25, 2022, from https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_561

¹⁹ *Босния и Герцеговина стала кандидатом в члены ЕС* (2022, 15 декабря). Взято 26 декабря 2022, с <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2022/639b7a169a794774f1900acd?ysclid=lclmx5qe1j725672243>

по всему, для противной стороны аналогией выступил кейс Черногории. Выводы по нему содержит Стратегия США по Балканам 2017 г.: «Несмотря на заявления о том, что вступление Черногории в НАТО представляет собой «красную черту» для Москвы, существует мало свидетельств того, что Кремль рассматривает Западные Балканы как сферу влияния, не подлежащую обсуждению, как в случае с Украиной». И если «многие сотни российских солдат сражались и погибли на Донбассе», то в БиГ, Македонии, Сербии и Косово функционирует «лишь горстка российских агентов и дипломатов»²⁰.

Работа по БиГ продолжается. Причем некоторые отечественные и сербские аналитики, знакомые со спецификой британской политики, справедливо указывают на повышенный интерес Лондона к этой балканской стране²¹. В частности, весной 2022 г. там была размещена 77-я британская бригада, известная по психологическим операциям в рамках когнитивной войны. В БиГ она «активно работает с гражданским обществом, прежде всего, на религиозной горизонтали»²².

Ответ на вопрос, каким будет дальнейшее развитие ситуации в регионе, зависит от течения общего противостояния России и Запада. До перехода его в острую фазу внешние западные игроки, наиболее вероятно, будут наращивать на Балканах присутствие, особенно военное, тем более что имеются соответствующие запросы с мест (например, Косово сделало таковой в первые дни конфликта на Украине²³). Повышать «градус политического термометра»²⁴ – в их интересах. И до тех пор, пока не произойдут принципиальные изменения в противостоянии на Украине в пользу России, градус влияния на Балканах будет выше у западных игроков.

Китай: тренд на наращивание влияния

Позиции Пекина на Балканах неотделимы от общего плана «стремительной активизации внешней политики, фактически призванной обеспечить доминирование КНР в системе международных отношений с использованием нового глобального геопроекта» (Улунян, 2021, с. 63). Это диктует тренд на наращивание влияния в «балканском звене» проекта.

²⁰ Marusic, D., Bedenbaugh, S., & Wilson, D. (2017). *Balkan forward: A new US strategy for the region*. *JSTOR*. Retrieved December 28, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16768?refreqid=excelsior%3Ab4fac4aaf951f3d96a8375f1ed39b2d7>

²¹ Галијашевић: Британски систем глобалне деструкције против православног хришћанства (2022, 29 децембра). Взято 30 децембра 2022, с <https://www.in4s.net/galijasevic-britanski-sistem-globalne-destrukcije-protiv-pravoslavnog-hriscanstva/>

²² Великбританија готовит масштабну провокацију у Боснији и Херцеговини (2022, 28 децембра). Взято 30 децембра 2022, с <https://rg.ru/2022/12/28/prepodavatel-mgimolog-ianovskij-v-interviu-rg-velikobritaniia-gotovit-masshtabnuiu-provokaciiu-v-bosnii-i-gercegovine.html>

²³ *Kosovo president asks Washington for help in joining NATO* (2022, March 17). Retrieved December 30, 2022, from <https://www.reuters.com/world/europe/kosovo-president-asks-washington-help-joining-nato-2022-03-17/>

²⁴ Толстой, Л.Н. (2008). *Война и мир* (Кн. 1, Т. 1–2, с. 457). М.: Астрель.

К настоящему моменту Китай более чем успешно справился с задачей формирования благоприятного общественного и политического климата для продвижения экономических инициатив в ключевых для себя локациях. На Западных Балканах – это прежде всего Сербия. Результатом китайских усилий стало выраженное расположение сербского населения к присутствию и деятельности Пекина в регионе. По данным опросов, на 2020 г. «сербские граждане определяли Россию и Китай как своих лучших друзей»²⁵. Причем 90 % респондентов уверены в положительном влиянии КНР (рост 30 % по отношению к 2017 г.). Для сравнения те же данные по России: 72 % положительно оценили российское влияние, и это рост в 11 % к 2017 г.

С учетом имеющихся данных можно предположить, что упор Китая на Белград продиктован не только соображениями экономики и географии – это еще и вполне прагматичный выбор в политическом смысле. Китай имеет схожую с российской целевую аудиторию на Балканах. Она прямо противоположна западной, исключая из анализа лишь идею евроинтеграции, во-первых, как широко распространенную у всех аудиторий, во-вторых, как не противоречащую китайским конечным устремлениям, даже наоборот. В этом плане именно в Сербии Китай приходил на наиболее «подготовленную почву». Косвенно это подтверждает тот факт, что наименьшее влияние Китая наблюдается в балканских странах с наименьшим российским и наибольшим западным воздействием. Самый яркий пример – Албания и информационная борьба албаноязычных СМИ.

По аналогии со скорым китайским замещением всех свободных ниш, образовавшихся на Балканах в отсутствие пристального внимания и плотной работы со стороны ЕС и США, можно допустить подобные риски для России в случае «отхода» ее с балканского направления. Возможна потеря некоторой части сторонников в пользу Китая при сохранении российского присутствия в полном объеме; это следует учитывать во взаимодействии с восточным партнером на балканском поле. Вес Китая постоянно растет: в 2021 г. на него пришлось 8 % всех торговых операций на Западных Балканах. При этом на Россию – 3 %, Турцию – 5 %, Великобританию – 3 %, ЕС – 68 %, другие страны – 13%²⁶.

Китай продвигается не только в торговой и общеэкономической, но и других сферах: культурной, академической, информационной и т. д. Одной из наиболее успешных стала «масочная дипломатия» Пекина (или «дипломатия масок и вакцин»). В Сербии ему удалось завоевать первый приз – признание сербской общественностью в качестве главного помощника страны в деле иммунизации населения и борьбы с пандемией. Этому не помешали попытки критиков обратить внимание на непрозрачность расчетов с китайцами и необоснованность позиционирования оказанной помощи как наибольшей и безвозмездной²⁷. Как

²⁵ *Many faces of Serbian foreign policy. Public opinion and geopolitical balancing* (2020, November). Retrieved December 25, 2022, from <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/11/MANY-FACES-OF-SERBIAN-FOREIGN-POLICY.pdf>

²⁶ *Infographic – the EU: Main trade partner and investor for the Western Balkans in 2021* (2023, January 9). Retrieved January 15, 2023, from <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/the-eu-main-trade-partner-and-investor-for-the-western-balkans/>

²⁷ *Ambasadorka Kine u Beogradu: Od svih kompanija tražimo da poštuju zakone Srbije* (2021, November 19). Retrieved December 25, 2022, from <https://www.slobodnaevropa>

следствие, в 2021 г. показатели положительного отношения к Пекину прибавили в росте: 83 % назвали Китай дружественной страной, и стабильные три четверти респондентов оценили положительно китайское присутствие²⁸.

Эти результаты подчеркивают успех продвижения восточного партнера на Балканах и конкретно в Сербии, где при всех вопросах к методам, целям, особенностям видения и ведения дел Китай, очевидно, идеализируется общественным сознанием. Неудивительно, что с таким восприятием Сербия стала фигурировать у аналитиков как олицетворение (poster child²⁹) китайского влияния. Но если до определенного времени Китай двигался в общем и целом беспрепятственно, поскольку его «подход был замаскирован лучше российского» (Улуян, 2021, с. 77), то вскоре «градус беспокойства по поводу среднесрочного и долгосрочного будущего балканского региона» у других внешних игроков стал нарастать (Пономарева, Крыканов, 2021, с. 118).

Не случайно 2021 г. ознаменовался целым рядом антикитайских инициатив ЕС в плоскости «надвигающегося экологического ущерба», нарушений трудового законодательства, торговли людьми и преступлений против прав человека³⁰. Гораздо громче зазвучали прогнозы глубокой долговой зависимости стран Западных Балкан (в числе первых европейских) от КНР. Ситуация стала накаляться еще больше на фоне внешнеполитических заявлений Китая и осложнений с США. Сегодня в многочисленных материалах и публичной риторике западных и прозападных лидеров «китайская угроза» звучит наравне с российской.

Перспективы российского влияния на Балканах

Украинский кризис внес свои коррективы в сформировавшиеся (и уже изменявшиеся в ходе кризисного витка 2014 г.) тренды влияния внешних игроков на Балканах. В наибольшей степени, на наш взгляд, это коснулось России. Ревитализация ее присутствия в регионе в конце 2000-х гг. столкнулась с серьезными препятствиями после Крымской весны. Коллективный отпор Запада в виде информационной и санкционной войн существенно отразился на способности России удержать набранные темпы роста своего влияния. Но, несмотря

org/a/cen-bo-kina-vijetnamski-radnici-linglong/31569745.html; Kostić, V., & Tomić, J. (2020, April 15). Medicinska oprema i RFZO: tajni zaključak Vlade i nevidljive nabavke. *Centar za istraživačko novinarstvo Srbije*. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.cins.rs/medicinska-oprema-i-rfzo-tajni-zakljucak-vlade-i-nevidljive-nabavke/>

²⁸ *Stavovi građana Srbije prema Kini* (2021, April). Retrieved December 27, 2022, from <https://iea.rs/wp-content/uploads/2021/04/Stav-gradjana-Srbije-prema-KINI-2021-1.pdf>; *Srbija I svet: Ključni nalazi iz istraživanja javnog mnjenja* (2021, May 31). Retrieved December 27, 2022, from <http://www.cesid.rs/istrazivanja/srbija-svet-kljucni-nalazi-iz-istrazivanja-javnog-mnjenja/>

²⁹ Vladislavljev, S. (2022, September 2). Chinese Influence in Serbia. *The Center for European Policy Analysis*. Retrieved December 25, 2022, from <https://cepa.org/comprehensive-reports/chinese-influence-in-serbia/>

³⁰ China's strategic interests in the Western Balkans (2022, June). *The European Parliament*. Retrieved December 27, 2022, from [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733558/EPRS_BRI\(2022\)733558_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733558/EPRS_BRI(2022)733558_EN.pdf)

на вполне конкретные, ощутимые потери в самых перспективных для российского продвижения отраслях (цифровой экономике и энергетике), стране удалось адаптироваться к постоянному давлению и двигаться дальше.

Об этом свидетельствует и дрейф в западной аналитике от дискурса о «слабой России»³¹ к известной максиме «Россия никогда не бывает ни такой сильной, ни такой слабой, как выглядит». Цитата с подчеркиванием вековой ее актуальности предваряла отчетное исследование корпорации *RAND* в 2019 г., посвященное калькуляции дорогостоящих (для России: чтобы ее траты, связанные с действиями в конкретной сфере, были выше таковых для США) вариантов «разбалансировки и перенапряжения» России³².

Изначально эксперты *RAND* исходили из того, что «несмотря на уязвимости и тревоги, Россия остается могущественной страной, которой по-прежнему удастся быть равным конкурентом США в нескольких ключевых областях». Собственно, просчеты вариантов для исправления этой ситуации составляли конечную цель исследования. Среди отмеченных «уязвимостей»: цены на нефть и газ – значительно ниже пиковых, экономические санкции, падение уровня жизни и естественное старение населения, усиление авторитаризма. «Глубоко укоренившаяся (хотя и преувеличенная) тревога» России – это, по мнению экспертов *RAND*, «возможность инспирированной Западом смены режима, потери статуса великой державы и даже военного нападения».

Отметим, что среди «большезатратных» геополитических направлений Балканы не фигурировали вовсе, только Украина, Сирия, Беларусь, Южный Кавказ, Центральная Азия и Приднестровье. Самым «перспективным», т. е. «дорогим» для России (и в этом эксперты не ошиблись), стало украинское направление, сопряженное с самыми высокими рисками, что также отражено в отчете. Вообще надо сказать, что ни одно из перечисленных направлений не было признано безрисковым – в оценке звучала, как минимум, «умеренная степень».

Характеризуя нашу страну в том же 2019 г. в профильном комитете Сената, прекрасный ее знаток и бывший посол США в РФ У. Бернс отметил: «Россия доказывает, что ослабевающие державы могут быть, по крайней мере, такими же разрушительными, как и растущие, нанося удар больше своего веса, поскольку использует внутренние разногласия Запада»³³. Самые сильные стороны РФ, по его мнению, находятся в военной сфере и сфере информационной войны. Думается, причиной последнего стала многолетняя постоянная практика. Россия вела повсеместную борьбу, в том числе на Балканах, в информационном поле начиная с 2014 г.

³¹ Baev, P.K. (2015, June 8). Russia is not strong. And Putin is even weaker. *Brookings*. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/06/08/russia-is-not-strong-and-putin-is-even-weaker/>

³² *Overextending and unbalancing Russia: Assessing the impact of cost-imposing options* (2019). Retrieved December 27, 2022, from https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html

³³ Burns, W.J. (2019, February 27). Assessing the role of the United States in the world. *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved December 27, 2022, from <https://carnegieendowment.org/2019/02/27/assessing-role-of-united-states-in-world-pub-78465>

С хорошо подготовленной антироссийской кампанией ей пришлось столкнуться практически во всех локациях, кроме Косово – ввиду отсутствия необходимости. Было множество нареканий по организации ответной работы и контрмерам, но уже в марте 2018 г. беспокойство в отчетах ЕС отразило ее успешность³⁴. Усиление российского влияния даже на фоне сворачивания ряда экономических инициатив после 2014 г. фиксируется в большинстве тематических материалов. В то же время согласимся с тем, что «роль России и ее влияние в регионе сознательно или нет преувеличиваются «коллективным» Западом» (Энтина, 2019, с. 81).

На наш взгляд, это происходит вполне осознанно, поскольку приносит выгоду целому ряду бенефициаров: от финансово заинтересованных до просто поддавшихся реваншистским идеям и настроениям. Иными словами, практически всем вовлеченным в западнобалканскую повестку внешним и локальным акторам. Показательна в этом смысле, во многом вынужденная – иначе лишат инвестиций – и весьма странная включенность некоторых региональных столиц в схемы поставок вооружений на Украину. Так, в августе 2022 г. Скопье присоединяется к «комплексной поддержке союзников по НАТО и партнеров по ЕС» и заявляет о передаче Киеву танков третьего поколения, которые были закуплены у Украины во время этнополитического конфликта 2001 г.³⁵ Причем точное количество переданных машин нигде не фигурирует. Правительство Черногории поступает еще хитрее – в начале июня 2022 г. заявлено, что «предложение Министерства обороны страны направить Украине «дополнительную военную помощь» принято»³⁶. Однако до сих пор нет информации, что было направлено какое-либо оружие. Можно предположить, что причины затягивания и замыливания этого вопроса не только экономические, а кроются глубоко в истории отношений наших стран и народов.

На протяжении очень сложного для себя 2022 г. Россия демонстрировала наличие балканской карты в своей внешнеполитической повестке. В западной прессе скрупулезно отслеживались российские шаги в этом направлении³⁷. Как следует из материалов СМИ, наибольшее беспокойство вызывает кооперация РФ с Сербией и Республикой Сербской – именно эти локации находятся

³⁴ Eisentraut, S., de Leon, S. (2018, March). Propaganda and disinformation in the Western Balkans: How the EU can counter Russia's information war. *The Konrad-Adenauer-Stiftung*. Retrieved December 27, 2022, from https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_51729_2.pdf/33dbbc29-eb30-e4ec-39c8-a4c976319449?version=1.0&t=1539647810617

³⁵ *Ukrajina zahvaljuje Sjevernoj Makedoniji na donaciji tenkova* (2022, August 6). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.slobodnaevropa.org/a/ukrajina-zahvalnica-sjeverna-makedonija-tenkovi/31976744.html>

³⁶ *Ko sa Balkana šalje najviše oružja Ukrajini?* (2022, June 21). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.danas.rs/svet/ko-sa-balkana-salje-najvise-oruzja-ukrajini/>

³⁷ *EU candidate Serbia and Russia sign foreign policy agreement* (2022, September 24). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/serbia-ap-russia-new-york-aleksandar-vucic-b2174618.html>; Karcic, H. (2022, March 30). Why NATO should worry about the Balkans. *Foreign Policy*. Retrieved December 27, 2022, from <https://foreignpolicy.com/2022/03/30/bosnia-russia-nato-ukraine-war-dodik/>

в фокусе. Это особенно важно в свете отмеченной выше активизации борьбы вокруг БиГ. В условиях украинского конфликта широко тиражируется мнение о создании Москвой предлога для дальнейшего вмешательства в боснийские дела.

Как и ее оппоненты, Россия в полной мере осознает важность Западных Балкан, тем более в текущих условиях. Есть и не без труда апробированная в регионе работающая схема: «...более активно предлагать балканским странам собственные инициативы в торгово-экономической, энергетической, инфраструктурной, инвестиционной и других сферах, в том числе в целях соответствующего влияния на общественное мнение и национальные бизнес-структуры»³⁸. Главный вопрос сегодня – хватит ли России ресурсов для поддержания влияния на балканском направлении. Возможно, не упомянутое вовсе в числе «большезатратных» геополитических направлений для России, оно по иронии может стать как раз таковым.

Заключение

Вступление человечества в затяжной и самый масштабный со времен Второй мировой войны кризис еще раз зафиксировало глубокую зависимость Западных Балкан от внешних сил. Сегодня, как и почти полтора века назад, «крупнейшие государства, международные военно-политические блоки и экономические союзы в соответствии со своими интересами проводили и продолжают здесь границы, определяли и определяют лицо политических режимов, идеологий и экономических систем, пытались и пытаются урегулировать порожденные их собственными действиями межэтнические и межгосударственные конфликты» (Романенко, 2021, с. 24).

После старта горячей фазы украинского конфликта состав ключевых внешних игроков на Западных Балканах остается прежним – Великобритания, ЕС, Китай, Россия и США. Все ведущие акторы сохраняют присутствие и влияние в регионе в полном объеме. Однако «западный блок» и Китай имеют потенциал к наращиванию влияния. Ресурсность России в этом направлении под вопросом. Ограничители есть даже в лояльном Москве сербском сегменте.

Наибольшая активность Запада и России фиксируется вокруг БиГ. Интенсификация усилий с обеих сторон ведет к обострению внутригосударственных противоречий и эскалации боснийского конфликта, что с большой долей вероятности повлечет за собой внешнее вмешательство.

Сербия и тлеющий конфликт в Косово по-прежнему остаются главным «узлом» не столько внутренних противоречий, сколько полем игры внешних заинтересованных. В течение 2022 г. неоднократно возникала реальная или мнимая возможность возвращения конфликта в острую фазу. Все достигнутые договоренности продолжают носить временный характер. При этом Белград, находящийся в плоскости борьбы России и Запада (и в перспективе Китая) за доминирующее влияние в этой части Балкан, пытается максимально выгодно использовать статус самой пророссийской балканской столицы.

³⁸ Искендеров, П. А. (2018, 9 февраля). Евросоюз заманивает Западные Балканы. *Международная жизнь*. Взято 30 декабря 2022, с <https://interaffairs.ru/news/show/19297>

Несмотря на высокий, возможно, самый высокий среди внешних игроков потенциал влияния, Китай на балканском поле остается в рамках своей игры. Пекин продолжит работу в парадигме «липкой» силы, развивая экономические и социальные проекты. В свою очередь, западная коалиция во всех обличиях (ЕС, НАТО, международные организации) будет и дальше открыто позиционировать китайское влияние как нежелательное и рассматривать его в одном ключе с «российской угрозой». Однако при пристальном внимании единство «коллективного Запада» на балканском поле не выглядит монолитным: Великобритания и США согласованно и по отдельности часто играют против ЕС. Существующие в западном лагере противоречия дают возможность Москве вести более тонкую политику, если, конечно, у последней есть соответствующая стратегия, ресурсы и политическая воля.

Список литературы

1. Браницкий, А. Г. (2018). Взаимосвязь процессов интеграции и дезинтеграции в современном Евросоюзе. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, (1–2), 46–48.
2. Гарцль, Б. (2018). Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова). *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 13(5), 92–116.
3. Кандель, П. Е. (2018). Юбилей независимости Косово: итоги и перспективы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (1), 91–98.
4. Киясов, А. С. (2010). «Завершая начатую работу»: политика республиканской администрации США на Западных Балканах в 2000-е годы. *Вестник Самарского государственного университета*, (5), 79–83.
5. Пономарева, Е. Г. (2009). Босния и Герцеговина: государство-фантом. *Свободная мысль*, (1), 69–84.
6. Пономарева, Е. Г., Крыканов, Д. Д. (2020). Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (1), 117–137. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137>
7. Романенко, С. А. (2021). Балканы / Юго-Восточная Европа: Регион-загадка и регион загадок. *Актуальные проблемы Европы*, (2), 22–58. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.02>
8. Улунян, Ар. А. (2021). Инициатива «Один пояс, один путь» и Балканы в оценках экспертного сообщества и СМИ Центрально-Восточной Европы (2017–2020). *Актуальные проблемы Европы*, (2), 59–83. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.03>
9. Энтина, Е. Г. (2019). Приоритеты политики США, ЕС и Великобритании в Западнобалканском регионе после Брекзита. *Россия и современный мир*, (1), 72–83. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.05>
10. Arežina, S. (2018). Turkish foreign policy towards Balkans and Serbia under Davutoğlu administration. *Murmara University Journal of Political Science*,

6(2), 203–216. <http://doi.org/10.14782/ipsus.460138>

11. Arlyapova, E., Ponomareva, E., & Prorokovic, D. (2022). NATO's capabilities in global governance: On the Balkan scene. *International Organisations Research Journal*, 17(2), 208–223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>

12. Ponomareva, E.G. (2020). Quo Vadis, Serbia? A multi-vector policy as a way to retain political agency. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 158–179. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179>

13. Waltz, K.N. (2010). *Theory of international politics*. Long Grove: Waveland Press.

References

1. Arežina, S. (2018). Turkish foreign policy towards Balkans and Serbia under Davutoğlu administration. *Murmara University Journal of Political Science*, 6(2), 203–216. <http://doi.org/10.14782/ipsus.460138>

2. Arlyapova, E., Ponomareva, E., & Prorokovic, D. (2022). NATO's capabilities in global governance: On the Balkan scene. *International Organisations Research Journal*, 17(2), 208–223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>

3. Branitsky, A.G. (2018). Vzaimosvyaz' processov integracii i dezintegracii v sovremennom Evrosoyuze [Interrelation of integration and disintegration processes in the modern European Union]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, (1–2), 46–48.

4. Entina, E.G. (2019). Prioritety' politiki SShA, ES i Velikobritanii v zapadnobalkanskom regione posle Brekzita [Priorities of the USA, EU and UK policy in the Western Balkan region after Brexit]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (1), 72–83. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.05>

5. Harzl, B. (2018). Otkrytie yashika Pandory, ili kak pravo na samoopredelenie razzhigaet obmanchivy'e strasti (nekotory'e mezhdunarodno-pravovy'e aspekty' nezavisimosti Kosova) [Opening up of Pandora's box, or how the right to self-determination inflames deceptive passions (some international legal aspects of Kosovo's independence)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, 13(5), 92–116.

6. Kandel, P. E. (2018). Yubilej nezavisimosti Kosovo: itogi i perspektivy [Kosovo independence anniversary: Results and prospects]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, (1), 91–98.

7. Kiyasov, A. S. (2010). "Zavershaya nachatuyu rabotu": politika respublikanskoj administracii SShA na Zapadnyh Balkanah v 2000-e gody ["Completing the work begun": The policy of the US Republican administration in the Western Balkans in the 2000s]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 79–83.

8. Ponomareva, E.G. & Krykanov, D.D. (2020). Balkanskoe dyhanie Pekina. Strategiya i taktika kitajskogo prisutstviya v stranax Zapadnyh Balkan [Balkan breath of Beijing. Strategy and tactics of Chinese presence in the Western Balkans]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (1), 117–137. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137>

9. Ponomareva, E.G. (2009). Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo-fantom [Bosnia and Herzegovina: A phantom State]. *Svobodnaya mysl'*, (1), 69–84.

10. Ponomareva, E.G. (2020). Quo Vadis, Serbia? A multi-vector policy as a way to retain political agency. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 158–179. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179>

11. Romanenko, S.A. (2021). Balkany / Yugo-Vostochnaya Evropa: Region-zagadka i region zagadok [The Balkans / South-Eastern Europe: The region of mystery and mysteries of the region]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (2), 22–58. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.02>

12. Ulunyan, Ar.A. (2021). Iniciativa “Odin poyas, odin put” i Balkany v ocenkah ekspertnogo soobshhestva i SMI Centralno-Vostochnoj Evropy (2017–2020) [The initiative “One Belt, One Road” and the Balkans: The assessments of the expert community and the media of Central and Eastern Europe (2017–2020)]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (2), 59–83. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.03>

13. Waltz, K.N. (2010). *Theory of international politics*. Long Grove: Waveland Press.

Информация об авторах

Елена Георгиевна Пономарева, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Елена Сергеевна Арляпова, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт системно-стратегического анализа, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8095-7229>, e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

Information about the authors

Elena Georgievna Ponomareva, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Elena Sergeevna Arlyapova, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of System-Strategic Analysis, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8095-7229>, e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com